

EDN: XDEUAU
УДК 316.774+316.334.56

“Digital Locality”: Digitalisation of Neighbourhood Routine Practices in a Modern Housing Estate (Irkutsk City Case)

Kirill A. Ivanov*

*Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation*

Received 22.07.2024, received in revised form 23.07.2024, accepted 19.09.2024

Abstract. The article is devoted to the importance of digital communication in the contemporary city. In comparison to the popular macro approaches (“smart city”, “media city” by S. McQuire), this text focuses on the micro-scale of urban locality. The first part describes how modern technologies via the integration of GIS and social media contributes to the transference of the image of locality into the public domain, forming its virtual and discursive “twin”. The second part presents the results of a three-year monitoring of a set of neighborhood online chats in housing estates of Irkutsk. The highlighted digital practices demonstrate the importance of instant-messenger communication for community building. The “digital” is presented as a communication field in which the materiality of the locality, its inhabitants and external observers are interwoven with each other.

Keywords: urban locality, digital technologies, neighborhood chat, housing estate, Irkutsk.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes.

Citation: Ivanov K. A. “Digital locality”: digitalization of neighborhood routine practices in a modern housing estate (case of Irkutsk). In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(10), 1922–1935. EDN: XDEUAU

«Цифровая локальность»: дигитализация соседского взаимодействия как фактор повседневности современного жилого комплекса (на примере г. Иркутска)

К.А. Иванов

*Иркутский государственный университет
Российская Федерация, Иркутск*

Аннотация. Статья поднимает вопрос о значении цифровой коммуникации в современном городе. В отличие от распространенных макроподходов («умный город», «медийный город» С. Маккуайра), данный текст сосредоточен на микропроблематике жизни городской локальности. Первая часть статьи описывает, как современные технологии через интеграцию ГИС с социальными медиа способствуют перенесению образа локальности в общий доступ, формируя её виртуального и дискурсивного «двойника». Во второй части статьи представлены результаты трехлетнего наблюдения за рядом соседских чатов жилых локальностей г. Иркутска. «Цифра» представляется коммуникационным полем, в котором переплетаются материальность локальности, её жители и внешние наблюдатели.

Ключевые слова: городская локальность, цифровые технологии, соседский чат, жилой комплекс, Иркутск.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки).

Цитирование: Иванов К. А. «Цифровая локальность»: дигитализация соседского взаимодействия как фактор повседневности современного жилого комплекса (на примере г. Иркутска). *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(10), 1922–1935. EDN: XDEUUAU

Введение

Трансформация современного города имеет явную тенденцию к гибридизации материальностей и социальных структур с цифровой плоскостью. Городская ткань заметно усложняется через распространение ГИС-систем (Shelton et al., 2015), размечающих пространство QR-кодов (Seeburger, 2012) или разного рода цифровых практик горожан (Natuka et al., 2020). «Цифра» становится особым медиатором между физическим ландшафтом города и социумом. Производится «пространство отношений» – совокупность цифровых механизмов взаимодействия человека и городских материальностей, дополненная реальность, заменяющая «данность общественного пространства и аксиоматичность

контуров субъективности» в пользу «мобильных пространственных конфигураций и эфемерности личного выбора» (McQuire, 2014: 28).

Объяснение различных форм и принципов «переплетений» онлайн и офлайн выступает сегодня серьезным вызовом для социальных наук. В контексте исследований городского пространства ключевым моментом, требующим теоретического осмысления, является взаимосвязь физических локальностей и связанных с ними цифровых ресурсов. Безусловно, во многом формат данной взаимосвязи будет модулироваться типом самого объекта, разнообразие которых в современном городе достаточно велико – общественные пространства, государствен-

ные и муниципальные учреждения, точки торговли или предоставления разного рода услуг, рекреационные и туристические зоны, транспортные узлы и, наконец, жилые локальности. В рамках данной статьи мы попытаемся предложить некоторые трактовки того, что представляет собой жилая локальность в условиях массовой цифровизации общественной жизни. В большей степени речь пойдет не об изменениях онтологического статуса локальности, а скорее о выработке эпистемологического контура, позволяющего лучше понять сегодняшние особенности развития и функционирования сообществ в данных локальностях и являющегося их важнейшим конституирующим признаком.

Эмпирическим материалом о цифровом аспекте коммуникации жителей городских локальностей являются наблюдения автора, проводимые с 2021 г. по настоящее время в 15 соседских чатах 8 жилых комплексов (далее ЖК) г. Иркутска – «Новый», «Соседи», «Сантоки», «Квадрум», «Союз», «Атмосфера», «Флагман» и «Родной берег». Выборка включает как чаты недавно появившихся локальностей – сданных в эксплуатацию комплексов (например, ЖК «Квадрум» сдан в 2020 г., последние блок-секции ЖК «Соседи» в 2022 г.), так и существующие уже довольно продолжительное время (например, ЖК «Сантоки» сдан в 2012 г.). Так как технологически не все мессенджеры дают возможность ретроспективно проследить переписки до момента попадания пользователя (в данном случае – исследователя) в чат, разнообразие во времени сдачи в эксплуатацию объектов позволило нам проследить, какую роль цифровое взаимодействие играет на этапе складывания соседского сообщества, и как оно используется в ситуации сложившегося коллектива соседей на хорошо обжитой территории. Сбор материала производится ежемесячно с лета 2021 г. путем выгрузки из мессенджеров Viber, Whatsapp¹ и Telegram файлов формата txt. и csv. Далее файлы подгружаются в общий массив, в файл формата mx20. для последующего

анализа в программе MAXQDA 2020. Общая совокупность проанализированных и использованных в данной статье сообщений составила 132195 единиц.

Большинство классических трактовок позиционируют сообщество как социальную сущность, локализованную в физическом пространстве (Hillery, 1955). Однако помимо расположения в едином материальном контексте не менее важным параметром является «плотность» сообщества, понимаемым как «плотность взаимодействия в нем <...> и его морального единства». Наиболее «плотные» варианты городских сообществ часто обозначаются как соседства, определения которых в консервативных социальных исследованиях практически всегда напрямую коррелируют с пространственным сопребыванием его членов и наличием повторяющихся качественных взаимосвязей в пределах занимаемого пространства (Kusenbach, 2006). С другой стороны, сегодня мы наблюдаем значительное снижение роли физического пространства в социальных интеракциях, являющееся следствием частичного перехода от «жестких» форм социального бытования в сторону «текучей современности» (Bauman, 2008). Применительно к локальным сообществам стоит отметить, что производство их «текучести» во многом обусловлено частичным уходом практик соседствования в «цифру», что, модулируя экстерриториальность данных практик, заменяет важность физического присутствия на важность идентификации с местом (Gromasheva, 2021).

«Перепрошивка» повседневности городских локальностей главным образом происходит через появление цифровой коммуникации. Если ранее локальность можно было определить через материальное и социальное наполнение, то теперь ее обязательным «комплектующим» стала и «цифра». Важно и то, что «цифра» не просто становится третьим компонентом, но и, вероятно, сильно влияет на два остальных, делая более проблемным и без того довольно сложный для изучения объект. Мы попытаемся приблизить понимание данных изменений, через две взаимосвязанные

¹ Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ.

проблемы: что представляет собой локальность в «цифре» и чем, напротив, является «цифра» для физической локальности. Размышляя над ними, мы попробуем ответить на вопрос: возникает ли в этом взаимодействии «цифровая локальность» и каковы её признаки?

Обзор литературы

Комплекс литературы, посвященной изучению проблем взаимовлияния «цифры» и городского пространства, растет параллельно с распространением цифровых технологий (Rose, 2022: 9–11). Публикации, связанные с данной проблематикой, начали более-менее стабильно появляться с конца 1990-х начала 2000-х гг., но в силу ограниченности цифровизации рядовых пользователей и отсутствия технологических возможностей использовать «цифру» повсеместно имели в основном обобщающий характер. Например, авторы осмыслили значение «цифровой революции» для городской экономики и культуры (Downey and McGuigan, 1999), архитектуры и планирования (Zion, 1998) и строили прогнозы по поводу того, как новые формы и способы коммуникации изменят городскую повседневность (Ishida and Isbister, 2000). В современных же городских социальных исследованиях цифровая составляющая является едва ли не самой распространенной проблематикой, встречающейся во всем спектре дисциплин, от урбанистической философии (Nagenborg, 2021) до этнографии (Urbanik and Roks, 2021; Rebernik et al., 2021).

Пожалуй, наиболее распространенным концептом в области исследований цифровизации городского пространства является «умный город» (Augusto, 2021). Различные проекты «умных городов» включают в себя, например, интегрированные системы видеонаблюдения, служащие как для оперативного предотвращения угроз (Pawłowski et al., 2020), так и для регуляции транспортных (Mazhar Ratore et al., 2021) или людских (Anedda et al., 2023) потоков, сервисы поиска парковочных мест (Koumetio Tekouabou et al., 2022), сервисы оптимизации городской

мобильности (Savastano, 2023) и многое другое. Не являясь исследовательским подходом по своей сути, «умный город» в первую очередь увязывает цифровое измерение городских процессов с офлайн-оптимизацией. Помимо прикладной функции инструменты «умных городов» сами по себе являются предметом исследовательского интереса, поскольку позволяют углубить знания о новой формирующейся реальности, в которой городская жизнь неразрывно связана с распространением цифровых технологий (Jnr, 2021; Echebarria et al., 2021). Соответственно, в научной дискуссии вокруг «умных городов» обсуждается не только функциональность цифровизованного городского ландшафта, но и то, какие социальные последствия несет с собой цифровизация (McQuire, 2023; Vadiati, 2022). Исследователи обращают внимание и на то, что в цифровую архитектуру «умных городов» встраивается участие горожан через посредничество социальных медиа (Gil et al., 2019), делая процессы принятия решений более инклюзивными, улучшая прозрачность и подотчетность, а также усиливая сети доверия между «городскими режимами» (Lediaev, 2008) и населением. Другим близким к теме нашего исследования подходом является «медийный город» Скотта Маккуайра (McQuire, 2014, op. cit.). Автор представляет современный постиндустриальный город в качестве гибрида, в котором материальные пространственные ансамбли неразрывно связаны с медиа, а социальная жизнь творится горожанами через посредничество цифровых технологий. Данный подход критикуется авторами за излишнюю эклектичность и даже вторичность (Chikamori, 2009), но, что более важно, он упускает из виду влияние социальных медиа (Hauge, 2011).

В последние годы авторы все чаще обращаются к теме важности социальных сетей, мессенджеров и других электронных средств коммуникации для трансформации городской повседневности (Martens et al., 2020; Sauda et al., 2022). Научная дискуссия в данном направлении ведется как по вопросам конструирования реле-

вантных теоретических рамок (Rose, 2022, *op. cit.*; Ziiadin et al., 2014), так и по поводу выработки соответствующей методологии (Zaporozhets and Lapina-Kratasiuk, 2015; Jachna, 2021). Исследователи отмечают, что на личностном уровне цифровые технологии значительно меняют практики восприятия «других» в гетерогенном пространстве большого города. Различные приложения для знакомств и социальные медиа позволяют точно определять свой круг социальных контактов, ориентируясь не только на встречи в офлайне, но также на определенный отсев посредством выбора потенциальных претендентов на общение в онлайн (Koch and Miles, 2020; Prokof'eva and Somkhisvili, 2023). Группируясь по интересам, горожане формируют цифровые сообщества, сфокусированные среди прочего на обсуждении проблем городского благоустройства, безопасности, создания и поддержания общественных пространств и прочих общих вопросов городской жизни. В дискурсе подобных сообществ формируются различные формы репрезентации городских локальностей (Boeing, 2019), кристаллизуется локальная идентичность (Cameron, 2020), проговариваются низовые инициативы по преобразованию локальных общественных пространств (Maciuliene, 2018), выделяются ценности городской среды (Nen'ko, 2022). Исследователи отмечают, что цифровые практики горожан неплохо работают как в случаях, когда городские власти охотно прислушиваются к мнению жителей и даже создают для них специальные инструменты (Williamson and Ruming, 2020; Wilson et al., 2017; Singh and Christmann, 2020), так и в случаях самоорганизации, то есть там, где специальные инструменты отсутствуют (Chernysheva and Zaporozhets, 2023; Kleinhans et al., 2015; Zur and Hatuka, 2023). Однако, по мнению большинства авторов, ключевым критерием, который позволяет делать цифровое участие горожан в жизни локальностей максимально эффективным, по-прежнему является пространственное соприсутствие, поскольку оно делает более вероятным выход инициатив

из онлайн в офлайн (Hatuka et al., 2021; Ostrovskii, 2021).

Примером того, как жители определенной локальности вовлекаются в онлайн-взаимодействие с целью поддержания стабильности её материального состояния и увеличения «плотности» социального состава, являются соседские сообщества. Исследования показывают, что, например, в России в 2010-х гг. начинает развиваться модель «управляемого диверсифицированного соседствования» (Bogdanova et al., 2021), в рамках которой люди все чаще выбирают место жительства по желаемому социальному окружению, что во многих случаях позитивно влияет на коммуникацию внутри сообщества и на степень вовлеченности обитателей в обустройство жизненного пространства. Как правило, степень социальной однородности жителей (реальной или воображаемой) отражается и на активности соседей в онлайн (Anselin and Williams, 2015). Высокий уровень социальной однородности демонстрируют различные современные ЖК (Petrina and Stadolin, 2020), социальности жильцов которых заранее сконструированы в рекламе новых объектов в виде социально благополучного «воображаемого соседства» (Almatarneh and Mansour, 2013; Cheshire et al., 2010). Исследования цифрового компонента жизни ЖК демонстрируют, что онлайн-коммуникация в сочетании с офлайн-практиками, по сути, порождает новую форму «гибридной» локальности (Chernysheva, 2020; Gromasheva, 2021, *op. cit.*). Но, если говорить о российских работах, пока подобные исследования проводятся в основном на примере объектов в крупнейших городах (Москва и Санкт-Петербург), что оставляет необходимость углубить наши знания по данной проблеме на более разнообразном материале.

Локальность в «цифре»

Цифровые технологии породили заметный сдвиг в механиках считывания городского пространства. При изучении социальной наукой взаимодействия социума и городских материальностей обязательно учитывается тот факт, что пространство

города усваивается и потребляется человеком не в полной мере. Город для обывателя не воспринимается монолитом, но скорее дифференцируется на индивидуальном и коллективном уровне, выступая саморегулируемой структурой, продуцирующей собственный образ, включающий социальные, эмоциональные, функциональные и пространственные аспекты (Lynch, 1982). Реализуя в городском ландшафте разнообразные «пространственные практики» (Lefebvre, 2015) – «проецируемые на местность» практики социальные, пользователи размечают пространство города, выделяя для себя более и менее значимые места, конструируя границы и вырабатывая маршруты. Формируемая таким образом ментальная карта, по сути, становится седиментацией повседневного опыта горожанина (Berger and Luckmann, 1995), отражением его «области воспринимаемого» (Filipov, 2008) – той части городского пространства, что наполнена для пользователя смыслами и логикой употребления.

Довольно серьезные изменения в данном механизме появились с распространением ГИС-технологий, которые значительно упростили навигацию по городу. Несмотря на то что распространение ГИС в коммерческой сфере приходится уже на 80–90-е гг. (Zhurkin and Shaitura, 2009: 9–10), массовый спрос на них появляется в ходе так называемой смартфон-революции (Mallinson, 2015). Стремительное развитие мобильных устройств и технологий мобильной связи идёт параллельно с расширением сети покрытия и увеличением количества участников (Miller et al., 2021: 15). В результате сегодня практически у каждого горожанина есть смартфон, на котором гарантированно установлено хотя бы одно приложение для навигации. Посредством Google Maps, 2-ГИС, Яндекс Карт или любых их аналогов обитатели города могут обеспечивать как телесные перемещения в городском пространстве, так и виртуальные (Urry, 2012: 135), планируя поход куда-либо или просто изучая неизвестные районы города. Пока рано говорить о том, что подобные обеспеченные «цифрой» возможности

заменяют «аналоговые» ментальные карты горожанина, как это постепенно происходит в некоторых традиционных обществах (Istomin, 2018). Однако тренд на гибридизацию цифровых навигационных систем и человеческого сознания в части формирования и использования «образа города» явно трансформирует механизм выработки последнего, но для понимания данной трансформации требуются эмпирические исследования (Al-ghamd and Al-Narigi, 2015).

Городские ГИС-сервисы представляют собой не только план местности с возможностью просчета маршрута или поиска необходимого адреса. Важным компонентом в них является и справочное наполнение, то есть информация о находящихся на местности учреждениях, памятниках, общественных мест, различного рода заведений и так далее. Эта информация позволяет пользователю городского пространства лучше ориентироваться, однако важным социальным эффектом в части справочника является функция отзывов. Массивы создаваемых пользователями нарративов, прикрепляемый медиаконтент, сформированный совокупностью оценок рейтинг – все это, по сути, становится частью механизма «производства пространства» (Lefebvre, 2015, op. cit.: 79) или как минимум средством его социального конструирования (Low, 2024: 131–137). Важно и то, что различного рода тексты и медиа, касающиеся того или иного места, находятся и за пределами непосредственно ГИС-сервисов. Большинство сайтов, в особенности социальных медиа, имеют интеграцию с цифровыми картами, предоставляют возможность расставлять геометки под генерируемыми материалами. Вся совокупность информации о городских локальностях, будь то отзывы в ГИС-приложениях, посты в социальных сетях или новости, создаваемая широким кругом акторов, от рядовых горожан до представителей бизнеса или «городских политических режимов» (Lediaev, 2008, op. cit.), размечает городской ландшафт, позволяя исследовать город, фактически не находясь на его улицах (Iavarone and Dursun Çebi, 2019).

Данный выделенный тип «цифровой локальности», по сути, выступает дискурсивным продолжением материальности. «Цифра» дает широкие возможности для артикуляции целого комплекса дискурсивных практик, позволяя проговорить соответствующие локальностям наборы символических коннотаций. Современное состояние большинства городов характеризуется «расколом» по нескольким направлениям: социальная сегрегация, сопутствующая ей сегрегация территориальная и фундаментальный раскол между властными структурами и массами (Harvey, 2008). Данный «раскол» порождает дискурсы, которые определяют локальности по экономическим, историческим, эстетическим, географическим и другим факторам как более или менее пригодные для нормальной жизни. Благодаря информационным массивам в «цифре», «язык» городского пространства переводится на язык человеческой коммуникации, что может свидетельствовать об отсутствии априорного различия пространства и текста. Данная дискурсивная форма локальности в «цифре» ориентирована, как правило, на внешнего наблюдателя и творится внешними наблюдателями.

«Цифра» в локальности

Совершенно другую ситуацию мы можем пронаблюдать, если посмотрим на опосредованные «цифрой» конструкции внутри локальности. На наш взгляд, пожалуй, главным отличием здесь будет ориентация на сообщество. Корректнее даже говорить не об ориентации, а о двойной привязке данных конструкций: к самой материальности и к наполняющей ее социальной составляющей. Если фрагменты городского пространства представлены текстами и всевозможной справочной информацией, находящейся в открытом доступе, то различного рода чаты в мессенджерах, группы и паблики в социальных сетях обычно являются недоступными для стороннего наблюдателя. Причиной тому становится повсеместно присутствующее чувство подозрительности и опасения, что содержимое

соседских обсуждений выйдет за пределы круга жильцов соответствующего жилого комплекса, дома или коттеджного поселка, и будет использовано для нанесения вреда сообществу. Подобные охранительные стратегии часто свойственны дискурсу «закрытых сообществ» (gated communities) (Low, 2001), что довольно парадоксально, поскольку сами «привязанные» к цифровому ресурсу локальности нередко являются общедоступными.

Гувернаментальность (Kaplan, 2019) (набор институтов, индикаторов и техник контроля) пользователей в рамках таких цифровых ресурсов проявляется в двух значениях: контроль над составом пользователей и разнообразные практики контроля над пространством жизни и прилегающей территории. В первом значении это различные фильтры для попадания в состав цифрового ресурса. Репертуар требований может быть самым разнообразным: в некоторых случаях необходимо приглашение от уже находящегося «внутри» пользователя. Он выступает поручителем, что вы живете в данной локальности, являетесь собственником или как минимум арендатором жилья. Иногда необходимо предъявить администратору документы на имущество или даже скинуть свежее фото с видом из окна (здесь и далее пунктуация и орфография сохранены): *«Соседи, дом 87/14! В чате нашего дома будет опубликована информация, затрагивающая финансовые вопросы. Для присоединения к чату пишите мне по номеру <...>, фио, квартира, номер телефона, фото выписки из ЕГРН (эта информация необходима для подтверждения проживания в доме)»* (из общего чата ЖК «Соседи»).

В любом из вариантов проход гейткিপера (Barzilai-Nahon, 2009) (в нашем случае под этим понимается специальный человек, отвечающий за доступ в цифровой ресурс) предполагает подтверждение принадлежности к локальности и соответствующему сообществу в офлайне. Автор на протяжении последних трех лет наблюдает за несколькими десятками закрытых групп в Viber, Telegram и Whatsapp. На этапе сбора источников эмпирического материала

нам приходилось идти на различного рода ухищрения, позволившие проникнуть в закрытые цифровые контексты. Иногда знакомые в офлайне «действительные» члены групп представляли исследователя своим родственником, квартирантом или созаемщиком по ипотеке. В нескольких случаях, относящихся к недавно сданным в эксплуатацию домам, приходилось идти на более сложные и менее этичные приемы: на первом этапе нужно было вживую пройтись по подъездам и найти в них объявления с номерами администраторов чатов или соответствующими QR-кодами; вторым этапом было регулярное наблюдение на протяжении нескольких недель за фасадом дома в вечернее время, чтобы выявить квартиры, в которых никогда не горит свет, а соответственно, еще никто не живет; на третьем этапе отсутствие света в окне соотносилось с номером квартиры, для того чтобы при добавлении в группу представиться собственником этой квартиры, который временно не проживает в собственности, но желает быть в курсе происходящего в доме. Во всех случаях такая стратегия срабатывала, возможно, потому что данные исследуемые объекты были недавно построены и только сданы в эксплуатацию. Соответственно, жильцы друг друга еще не знали и по прошествии нескольких месяцев с момента «сдачи» дома слабо контролировали причастность цифровых пользователей к пространству.

Второй тип гвернаментальности встречается в виде того, как пользователи цифровых ресурсов используют общее коммуникативное пространство для контроля над пространством физическим. Здесь можно выделить несколько регулярно встречающихся сюжетов. Это, как правило, постоянные обсуждения и различного рода решения по оборудованию территории системами безопасности. Пользователи, обживая пространство в офлайне, решают, где необходимо поставить камеры, шлагбаумы, заборы, услугами каких охранных агентств пользоваться. Необходимость заборов часто обсуждается в той части прилегающей территории, которая соприкасается с по-

дозрительными и «опасными» соседними локациями – таковыми воспринимаются малосемейные или студенческие общежития, «частный сектор» или дома советской застройки: *«Добрый день! У нас двор сейчас сквозной, если даже по Лебеда Кумача поставить ограждение лишней раз люди сквозь двор не будут ходить, будет намного спокойнее. <...> Сейчас весь двор в искателях закладок. Понятно почему, ниже по Трилиссера, доме в 14 или 16 живут цыгане... Отсюда всё зло... Я считаю, что сначала надо было решать вопрос с ограждением, если мы поставим забор, то и камер нужно будет не больше 3–4 шт. на дом.»* (из чата ЖК «Квадрум»).

Камеры обычно ставят с фокусом на парковки, детские площадки и входы в подъезд. Материалы с установленных камер регулярно используются для осведомления жильцов о находящихся в пространстве «чужаках» или о «вредительстве» самих жильцов (порча имущества детьми, выброс мусора в непредназначенные места и т.д.): *«У нас в чате размещаются такие видео и фото «в моменте» так сказать. Фото в лифте расклеиваем, думаю мало приятно было потом себя увидеть. Крупным планом! Информацию размещаем о штрафах. И вы знаете, помогло. Случаются единичные случаи, конечно, возможно из квартир, которые посуточно сдаются или кто-то залётный <...> Но, если это свои, они есть в чате, увидят, узнают себя и возможно следующий раз так не сделают.»* (из чата ЖК «Квадрум»)

В целом алармистский дискурс довольно свойственен подобного рода цифровым площадкам. Помимо выявления «действительных» нарушителей и опубликования различных происшествий цифровым сообществам свойственны моральные паники – поиск подозрительных квартир, клейменных притонами и борделями:

«– Я дико извиняюсь) но у нас где-то неподалёку кто-то сношается круглосуточно. Сегодня несколько раз просыпалась от истошных звуков, хотя я сплю очень крепко. Ощущение, что где-то неподалёку небольшой бардель.»

– Вот этого ещё не хватало. Вы на каком этаже живете? Я видела на днях девушку, очень сильно похожую на даму из борделя.» (из чата ЖК «Новый»).

«– Добрый вечер. Я сосед из 57 квартиры. Скажу вам напрямую как есть. С момента как заселился Ваш квартирант день через день гулянки с кальяном и распитием спиртных напитков. Естественно, ни о каком соблюдении режима тишины после 11 нету и речи. Я разговаривал с ним лично дважды <...> На все ответ один – мы спортсмены, мы тихо сидим, кальян же никому не мешает и все в этом духе. <...>. Нагло врет в глаза и двадцать пять раз говорит, что это последний раз. И честно говоря, он уже порядком достал всех. Про консьержей думаю Вы в курсе. Я просто уже переживаю за пожаробезопасность. Вот такие в умат пьяные как вчера могут с этим кальяном и уснуть. <...> И я не один такой. Чтобы не подумали, что я сверх субъективен).

– И камеры и консьержки, а он организовал притон! Никого не боятся не стыдятся Нам надо всем соседям быть бдительны, не стесняться спрашивать незнакомых лиц, куда идёте, к кому и тп Молодцы Ксения и Павел разоблачили притон в самом лучшем доме!» (из чата ЖК «Сантоки»).

Для дискурса цифровых сообществ характерны практики выстраивания горизонтальных отношений с привязкой к офлайн-сообществу и единому пространству жизнедеятельности: «Группа для того и существует, чтобы сплотиться всем жильцам нашего комплекса. Благодаря чату действительно можно узнать друг друга. И нужно проявлять терпимость.» (из чата ЖК «Квадрум»); «В чате приветствуется информационная взаимопомощь, разрешена ненавязчивая реклама, обсуждаются вопросы, связанные с ЖК» (из чата ЖК «Новый»).

Часто артикуляция пространства используется в связке с притяжательными местоимениями от «мы» – «наш ЖК», «наш дом», «наш двор». Практически всегда возникают микровернакуляры, обозначающие значимые или проблемные фрагменты фи-

зического пространства придомовой территории и соседних локальностей. Дискурс о пространстве вращается вокруг организации мест общего пользования, контроля над «чужаками» на «своей территории», благоустройства. Суждения пронизываются эстетическими пожеланиями в части организации пространства, суждениями о поддержании желательного для уровня материалов и сервиса, а также определенного уровня культуры в поведении: «Высоко висящее зеркало изящно подчёркивает высокий уровень жизни и намекает на высокую культуру жителей нашего подъезда! Уже коллеги ходят, я показываю изредка, говорю чего удалось достичь, чего планируем, как с трудностями справляемся, как с УК эффективно работать ... консультирую и помогаю двум другим коллегам из других домов. ...» (из чата ЖК «Сантоки»). Решение по подобному рода вопросам выносятся на общее обсуждение, что нередко перетекает в формальные голосования «на бумаге», организацию собраний или оптимизацию взаимодействия с управляющими компаниями и жкх-структурами: «Уважаемые соседи, большая просьба ко всем участникам чата сообщать мне о недостатках, с которыми вы сталкиваетесь у себя в подъезде или на придомовой территории. Не надо ждать, когда их исправит УК или застройщик, мы можем просто об этом не знать! Потому что непосредственные исполнители (оперативный персонал) могут либо плохо исполнять свои обязанности, либо сознательно скрывать какие-то недостатки, так как руководство поручит их исправлять. Мы создали чат именно для получения оперативной информации, чтобы повысить качество жизни» (из чата ЖК «Флагман»).

Скрепленная входным фильтром аудитория цифровых площадок формирует внутренние иерархии. Существенную роль в данных практиках играют различные офлайн-активисты – старшие по подъезду, разнообразные советы домов, дворов или ЖК. Как правило, эти выдвинутые сообществом акторы занимают также администраторские или модераторские позиции

в онлайн, следят за порядком в обсуждениях и стараются не допустить конфликтов, оскорблений и переходов на личности: *«Данный чат создан для соседского общения собственников квартир ЖК Соседи. Пожалуйста, старайтесь поддерживать дружественную атмосферу общения в чате, грубость, ругань, оскорбления (если они вам необходимы) переносите в личные сообщения, иначе – бан»* (из чата ЖК «Соседи»).

«Плотность» сообщества может наращиваться за счет практик взаимопомощи. В период первых 2–3 лет с момента сдачи жилых объектов, когда большинство жильцов делает ремонт, одним из самых часто всплывающих сюжетов является шеринг (в данном случае безвозмездное дарение или предоставление во временное пользование) предметов, связанных с ремонтными работами: заимствование строительного инструмента, просьбы поделиться стройматериалами и т.д. Шеринг продолжается и на более поздних этапах заселения, но чаще включает уже другие вещи – кухонные приборы, бакалейные продукты, карты лояльности в местных супермаркетах. Важно, что просьбы или предложения выносятся на общее обозрение, то есть без какой-либо индивидуальной адресации, а с ориентацией на сообщество в целом. При этом случаи игнорирования таких просьб или предложений практически не встречаются. Доверяя друг другу внутри цифрового сообщества, соответственно, доверяя самому механизму селекции членов этого сообщества, жильцы могут даже попросить об услугах, предполагающих опубликование приватной информации:

«– Мужчины, помогите пожалуйста! Ребёнок один в квартире, я не в городе. В окно залетела птица, сидит в коридоре, помогите поймать и выпустит птицу. Девочка в легком шоке.

– Попробуем, какая квартира?

– Спасибо 78, 11 этаж. Сказал, сейчас откроет дверь. Звонок не работает. Постучите.» (из чата ЖК «Союз»).

Список указанных выше сюжетов не является исчерпывающим, однако позволяет составить общее представление

о том, какую роль сегодня играют цифровые технологии в формировании социального и отчасти физического облика жилой локальности. Строгий контроль над членством, появляющийся на этапе сдачи новых объектов и заселения, практически гарантирует для их членов приватность в решении всевозможных вопросов общественной и личной значимости, позволяет осуществлять контроль над пространством, помогает выстроить общую идентичность и наполнить ее соответствующими сообществу качествами. Также нам кажется важным тот факт, что цифра позволяет физически находиться членам соседского сообщества где угодно и сколько угодно, но оставаться в обсуждении, участвовать в принятии решений и каким-то образом влиять на внутренние процессы. На наш взгляд, это несколько меняет классические трактовки сообщества, поскольку постепенно локализация в едином пространстве перестает быть базисным критерием, который замещается растущей значимостью цифровой идентификации себя с локальностью.

Заключение и обсуждение

Онлайн и офлайн не представляются друг для друга аналогами, однако мы можем судить об определенной соположимости двух данных типов фигураций. Если мы говорим о локальности как о физическом пространстве, определенном фрагменте городских материальностей, то «цифровая локальность» – это в первую очередь смоделированный виртуальный образ, средствами визуализации скопировавший находящиеся в ней статичные объекты. Далее, путем привязки к перенесенным в «цифру» объектам справочной информации и системы комментирования, а также через интеграцию используемой ГИС-системы с социальными медиа, можно разметить цифрового двойника локальности некоторыми базовыми данными и дать возможность внешним наблюдателям, ситуативным посетителям и постоянным обитателям создавать массивы текстовых и медианарративов, которые, в свою очередь, формируют дискурсивный слой образа локальности. Вся совокупность

информации в этом прочтении «цифровой локальности» ориентирована в большей степени на внешнего наблюдателя, творящего данный дискурс и одновременно испытывающего его влияние.

С другой стороны, «цифровая локальность» может интерпретироваться как имплицитно встроенные в социальное пространство жителей офлайн-локальности коммуникативные контексты, опосредованные цифрой. В данном случае выделяются два основных типа дискурса. Первый тип, может быть условно назван операциональным, настроен на решение двух задач – повышение «плотности» локальности сообщества и обустройства в локальности материальных, гувернаментальных и бюрократических порядков. Второй тип можно определить как рефлексивный. В нем создается определенное представление сообщества о самом себе, формируется локальная идентичность, базирующаяся на привязке цифрового сообщества к физическому пространству с попутной выработкой общих представлений об эстетиче-

ских, культурных и поведенческих нормах. Оба типа дискурсов плотно переплетаются друг с другом и формируют ориентированную на жителей коммуникативную ткань, позволяющую им эффективно взаимодействовать друг с другом и с пространством места обитания.

В сложной конфигурации локальности, включающей внешних наблюдателей, жильцов и материальность, «цифра» выступает своеобразной границей. Данная граница, с одной стороны, содержит в себе элементы всех трех указанных компонентов: жильцы творят регулярную коммуникацию, подпитываемую из офлайна, продуцирующую вполне себе реальные следствия; внешние наблюдатели плетут дискурс относительно локальности и одновременно становятся его адресатами; материальность выступает тем референционным базисом, на котором выстраиваются суждения и тех, и других. В то же время «цифровая локальность» в обоих пониманиях становится механизмом, формирующим и трансформирующим офлайн-локальность.

Список литературы / References

- Al-ghamd S.A., Al-Harigi F. Rethinking Image of the City in the Information Age. In: *Procedia Computer Science*, 2015, 65, 734–743. DOI: 10.1016/j.procs.2015.09.018
- Almatarneh R. T., Mansour Y.M. The Role of Advertisements in the Marketing of Gated Communities as a new Western Suburban Lifestyle: A Case Study of the Greater Cairo Region, Egypt. In: *Journal of Housing and the Built Environment*, 2013, 28, 505–528. DOI: 10.1007/s10901–012–9326–1
- Anedda M., Fadda M., Girau R., Pau G., Giusto D. A Social Smart City for Public and Private Mobility: A Real Case Study. In: *Computer Networks*, 2023, 220. DOI: 10.1016/j.comnet.2022.109464
- Anselin L., Williams S. Digital Neighborhoods. In: *Journal of Urbanism*, 2015, 9(4), 305–328. DOI: 10.1080/17549175.2015.1080752
- Augusto J. C. (ed). *Handbook of Smart Cities*. Berlin, Springer, 2021, 1726.
- Barzilay-Nahon K. Gatekeeping: A Critical Review. In: *Annual Review of Information Science and Technology*, 2009, 43(1), 1–79. DOI: 10.1002/aris.2009.1440430117
- Bauman Z. *Tekuchaia sovremennost' [Liquid Modernity]*. Saint Petersburg, Piter, 2008, 240.
- Berger P., Luckmann T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: Traktat po sotsiologii znaniia [The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge]*. Moscow, Moskovskii filosofskii fond, 1995, 323.
- Boeing G. Online Rental Housing Market Representation and the Digital Reproduction of Urban Inequality. In: *Economy and Space*, 2019, 52(2), 1–20. DOI: 10.1177/0308518X19869678
- Bogdanova E., Brednikova O., Zaporozhets O. Kak ponimat' i kak issledovat' sosledstvo? [How Can Neighborhood be Understood and Studied?]. In: *Laboratorium: zhurnal sotsial'nykh issledovaniy [Laboratorium: Russian Review of Social Research]*, 2021, 13(2), 139–171. DOI: 10.25285/2078–1938–2021–13–2–139–171

Cameron R. G. Constructing Authenticity: Location Based Social Networks, Digital Placemaking, and the Design of Centralized Urban Spaces. In: *Mediated Identities in the Futures of Place: Emerging Practices and Spatial Culture*. 2020, 1–20.

Chernysheva L. A. Onlain- i oflain-konflikty vokrug gorodskoi sovместnosti: zabota o gorodskom prostranstve na territorii bol'shogo zhilogo kompleksa [Online and Offline Conflicts around Urban Commons: Caring for Urban Space in the Territory of a Large Housing Estate]. In: *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii [The Journal of Sociology and Social Anthropology]*, 2020, 23(2), 36–66. DOI: 0.31119/jssa.2020.23.2.2

Chernysheva L. A., Zaporozhets O. N. Tsifrovye platformy i mobilizatsiia gorozhan: kak lokal'nost' pereopredeliaet konnektivnoe deistvie [Digital Platforms and Urban Mobilizations: How Locality Redefines Connective Action]. In: *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]*, 2023, 4, 124–148. DOI: 10.14515/monitoring.2023.4.2352

Cheshire L., Walters P., Rosenblatt T. The Politics of Housing Consumption: Renters as Flawed Consumers on a Master Planned Estate. In: *Urban Studies*, 2010, 47(12), 2597–2614. DOI: 10.1177/0042098009359028

Chikamori T. Between the 'Media City' and the 'City as a Medium'. In: *Theory, Culture & Society*, 2009, 26(4), 147–154. DOI: 10.1177/0263276409104972

Downey J., McGuigan J. (eds). *Technocities: The Culture and Political Economy of the Digital Revolution*. London, SAGE publications, 1999, 213.

Echebarria C., Barrutia J. M., Aguado-Moralejo I. The Smart City Journey: A Systematic Review and Future Research Agenda. In: *Innovation: The European Journal of Social Science Research*, 2021, 34(2), 159–201. DOI: 10.1080/13511610.2020.1785277

Filippov A. F. *Sotsiologiia prostranstva [Sociology of Space]*. Saint Petersburg, "Vladimir Dal'", 2008, 285.

Gil O., Cortés-Cediel M. E., Cantador I. Citizen Participation and the Rise of Digital Media Platforms in Smart Governance and Smart Cities. In: *International Journal of E-Planning Research*, 2019, 8(1), 19–34. DOI: 10.4018/IJEPR.2019010102

Gromasheva O. Hybrid Neighborness in Action: The Case of Kudrovo, Russia. In: *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 2021, 13(2), 13–38. DOI: 10.25285/2078–1938–2021–13–2–13–3

Harvey D. Pravo na gorod [The Right to the City]. In: *Logos [Logos]*, 2008, 3(66), 80–94.

Hatuka T., Zur H., Mendoza J. A. The Urban Digital Lifestyle: An Analytical Framework for Placing Digital Practices in a Spatial Context and for Developing Applicable Policy. In: *Cities*, 2020, 111(101430). DOI: 10.1016/j.cities.2020.102978

Hauge A. The Media City: Media, Architecture and Urban Space. Book Review. In: *Growth and Change*, 2011, 42(2), 227–229. DOI: 10.1111/j.1468–2257.2011.00551.x

Hillery G. Definitions of Community: Areas of Agreement. In: *Rural Sociology*, 1955, 20, 111–123.

Iavarone A. H., Dursun Çebi P. The Urban Space of Network Society: Digital Flaneurs in the Age of Social Media. *Proc. LIVENARCH VI-2019. Livable Environments and Architecture International Congress*. Trabzon, Turkey. 2019, 788–801.

Ishida T., Isbister K. (eds). *Digital Cities: Technologies, Experiences, and Future Perspectives*. Berlin, Springer, 2000, 444.

Istomin K. V. "Tol'ko truslivyi plutaet": strakh, bespokoistvo i orientatsiia v prostranstve u olenevodov – nentsev i komi ["Only Coward Get Lost": Fear, Anxiety and Spatial Orientation among Komi and Nenets Reindeer Herders]. In: *Etnografiia [Ethnography]*, 2018, 2, 67–83. DOI: 10.31250/2618–8600–2018–67–83

Jachna T. (ed). *Wiring the Streets, Surfing the Square: Producing Public Space in the Mediated City*. Berlin, Springer, 2021, 238.

Jnr B. A. Managing Digital Transformation of Smart Cities Through Enterprise Architecture – a Review and Research Agenda. In: *Enterprise Information Systems*, 2021, 15(3), 299–331. DOI: 10.1080/17517575.2020.1812006

Kaplun V. Perestat' myslit' "vlast'" cherez "gosudarstvo": gouvernementalité, Governmentality Studies i chto stalo s analitikoii vlasti Mishelia Fuko v russkikh perevodakh [Stop Understanding "Power" through the

- “State”: Gouvernamentalité, Governmentality Studies, and the Fate of Michel Foucault’s Analytics of Power in Russian Translations]. In: *Logos [Logos]*, 2019, 2(129), 179–220. DOI: 10.22394/0869–5377–2019–2–179–218
- Kleinhans R., Van Ham M., Evans-Cowley J. Using Social Media and Mobile Technologies to Foster Engagement and Self-Organization in Participatory Urban Planning and Neighbourhood Governance. In: *Planning, Practice & Research*, 2015, 30(3), 237–247. DOI: 10.1080/02697459.2015.1051320
- Koch R., Miles S. Inviting the Stranger in: Intimacy, Digital Technology and New Geographies of Encounter. In: *Progress in Human Geography*, 2020, 45(6), 1–23. DOI: 10.1177/0309132520961881
- Koumetio Tekouabou S. C., Alaoui A. A., Cherif W., Silkan H. Improving Parking Availability Prediction in Smart Cities with IoT and Ensemble-Based Model. In: *Journal of King Saud University – Computer and Information Sciences*, 2022, 34(3), 687–697. DOI: 10.1016/j.jksuci.2020.01.008
- Kusenbach M. Patterns of Neighboring: Practicing Community in the Parochial Realm. In: *Symbolic Interaction*, 2006, 29(3), 279–306. DOI: 10.1525/si.2006.29.3.279
- Lediaev V. G. Gorodskie politicheskie rezhimy: teoriia i opyt empiricheskogo issledovaniia [Urban Political regimes: theory and empirical research experience]. In: *Rossiya i sovremennyy mir [Russia and the modern world]*. 2008, 4(61).
- Lefebvre H. *Proizvodstvo prostranstva [The Production of Space]*. Moscow, Strelka press, 2015, 432.
- Low S. *Prostranstvennoe voploshchenie kul'tury: etnografiia prostranstva i mesta [Spatializing Culture: The Ethnography of Space and Place]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2024, 400.
- Low S. M. The Edge and the Center: Gated Communities and the Discourse of Urban Fear. In: *American Anthropologist*, 2001, 103(1), 45–58. DOI: 10.1525/aa.2001.103.1.45
- Lynch K. *Obraz goroda [The Image of the City]*. Moscow, Stroiizdat, 1982, 328.
- Maciuliene M. Mapping Digital Co-Creation for Urban Communities and Public Places. In: *Systems*, 2018, 6(2), 1–11. DOI: 10.3390/systems6020014
- Mallinson, K. Smartphone Revolution: Technology Patenting and Licensing Fosters Innovation, Market Entry, and Exceptional Growth. In: *IEEE Consumer Electronics Magazine*, 2015, 4(2), 60–66. DOI: 10.1109/MCE.2015.2392954
- Martens C., Venegas C., Tapuy E. (eds). *Digital Activism, Community Media, and Sustainable Communication in Latin America*. Cham, Switzerland, Palgrave Macmillan, 2020, 358.
- Mazhar Ratore M., Paul A., Rho S., Khan M., Vimal S., Shah S. A. Smart Traffic Control: Identifying Driving-Violations Using Fog Devices with Vehicular Cameras in Smart Cities. In: *Sustainable Cities and Society*, 2021, 71(102986). DOI: 10.1016/j.scs.2021.102986
- McQuire S. *Mediinyi gorod. Media, arkhitektura i gorodskoe prostranstvo [The Media City: Media, Architecture and Urban Space]*. Moscow, Strelka press, 2014, 392.
- McQuire S. Beyond the Smart City: A Communications-led Agenda for Twentyfirst Century Cities. In: *Online Media and Global Communication*, 2023, 2(2), 148–169. DOI: 10.1515/omgc-2023–0018
- Miller D. (ed). *The Global Smartphone: Beyond a Youth Technology*. London, UCL Press, 2021, 320.
- Nagenborg M. (ed). *Technology and the City: Towards a Philosophy of Urban Technologies*. Berlin, Springer, 2021, 457.
- Nen’ko A. E., Nedoseka E. V. Tsennosti gorodskoi sredey v diskurse sosedskikh onlain-soobshchestv [Urban Environment Values in Discourse of Online Neighboring Communities]. In: *Zhurnal sotsiologii i sotsial’noi antropologii [The Journal of Sociology and Social Anthropology]*, 2022, 25(1), 217–251. DOI: 10.31119/jssa.2022.25.1.8
- Ostrovskii A. N., Mamedov A. E., Ostrovskaya M. A., Shiriaev V. Iu. Lokal’nye gruppy v sotsial’nykh setiakh: novye mestnye soobshchestva, sotsial’nye media ili platsdarm tsifrovogo aktivizma [Local Social Media Groups: New Local Communities, Social Media, Or a Foothold for Digital Activism]. In: *Sotsial’naya politika i sotsiologiya [Social Policy and Sociology]*, 2021, 20(1), 160–168. DOI: 10.17922/2071–3665–2021–20–1–160–168
- Pawłowski P., Dąbrowski A., Balcerek J., Konieczka A., Piniarski K. Visualization Techniques to Support CCTV Operators of Smart City Services. In: *Multimedia Tools and Applications*, 2020, 79, 21095–21127. DOI: 10.1007/s11042–020–08895–6

Petrina O. A., Stadolin M. E. O prostranstvennoi segregatsii v razvitii gorodskikh aglomeratsii [On Spatial Segregation in the Development of Urban Agglomerations]. In: *Munitsipal'naia akademiia [Municipal Academy]*, 2020, 1, 161–166.

Prokof'eva A. V., Somkhisvili K. O. Blazirovannost' sovremennogo tsifrovogo goroda [Blasé Attitude and the Modern Digital City]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofii. Psikhologii. Sotsiologii. [Perm University Herald. Series "Philosophy. Psychology. Sociology.]*, 2023, 3, 382–395. DOI: 10.17072/2078-7898/2023-3-382-395

Rebernik N., Favero P., Bahillo A. Using Digital Tools and Ethnography for Rethinking Disability Inclusive City Design – Exploring Material and Immaterial Dialogues. In: *Disability & Society*. 2021, 36(6), 952–977. DOI: 10.1080/09687599.2020.1779035

Regimes: Theories and Empirical Studies]. In: *Rossia i sovremennyi mir [Russia and the Contemporary World]*, 4, 129–143.

Rose G. (ed). *Seeing the City Digitally: Processing Urban Space and Time*. Amsterdam, Amsterdam University Press, 2022, 292.

Sauda E., Wessel G., Karduni A. (eds). *Social Media and Contemporary City*. New York, Routledge, 2022, 175.

Savastano M., Suci M., Gorelova I., Stativa G. How Smart is Mobility in Smart Cities? An Analysis of Citizens' Value Perceptions through ICT Applications. In: *Cities*, 2023, 132(104071). DOI: 10.1016/j.cities.2022.104071

Seeburger J. No Cure for Curiosity: Linking Physical and Digital Urban Layers. *Proc. NordiCHI'12: Nordic Conference on Human-Computer Interaction*. N.Y. 2012, 247–256.

Shelton T., Poorthuis A., Zook M. Social Media and the City: Rethinking Urban Socio-spatial Inequality Using User Generated Geographic Information. In: *Landscape and Urban Planning*, 2015, 142, 198–211. DOI: 10.1016/j.landurbplan.2015.02.020

Singh A., Christmann G. Citizen Participation in Digitised Environments in Berlin: Visualising Spatial Knowledge in Urban Planning. In: *Urban Planning*, 2020, 5(2), 71–83. DOI: 10.17645/up.v5i2.3030

Urbanik M., Roks R. A. GangstaLife: Fusing Urban Ethnography with Netnography in Gang Studies. In: *Qualitative Sociology*, 2021, 43, 213–233. DOI: 10.1007/s11133-020-09445-0

Urry J. *Mobil'nosti [Mobilities]*. Moscow, Izdatel'skaia i konsaltingovaia gruppa "Praksis", 2012, 576.

Vadiati N. Alternatives to Smart Cities: A Call for Consideration of Grassroots Digital Urbanism. In: *Digital Geography and Society*, 2022, 3(100030). DOI: 10.1016/j.diggeo.2022.100030

Williamson W., Ruming K. Can Social Media Support Large Scale Public Participation in Urban Planning? The Case of the #MySydney Digital Engagement Campaign. In: *International Planning Studies*, 2020, 25(4), 355–371. DOI: 10.1080/13563475.2019.1626221

Wilson A., Tewdwr-Jones M., Comber R. Urban Planning, Public Participation and Digital Technology: App Development as a Method of Generating Citizen Involvement in Local Planning Processes. In: *Environment and Planning B: Urban Analytics and City Science*, 2017, 46(2), 1–17. DOI: 10.1177/2399808317712515

Zaporozhets O. N., Lapina-Kratasiuk E. G. Antropologii tsifrovogo goroda: k voprosu o vybore metoda [Anthropology of the Digital City: On the Issue of Choosing a Method]. In: *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]*, 2015, 4, 41–54.

Zhurkin I. G., Shaitura S. V. *Geoinformatsionnye sistemy [Geographic information systems]*. Moscow, KUDITs-PRESS, 2009, 272.

Ziadin S. T., Khamitova D. M., Kenzhebekova D. S., Zhumanov K. O. Problemy i perspektivy formirovaniia tsifrovyykh gorodov [Main Moments of Formation of Digital Cities]. In: *Fundamental'nye issledovaniia [Fundamental Research]*, 2018, 7, 77–83.

Zion A. S. New Modern: Architecture in the Age of Digital Technology. In: *Assemblage*. 1998, 35, 62–79. DOI: 10.2307/3171239

Zur H., Hatuka T. Local-Digital Activism: Place, Social Media, Body, and Violence in Changing Urban Politics. In: *Social Media + Society*, 2023, 9(2). DOI: 10.1177/20563051231166443